

ВЕРА Ситникова, ответственный секретарь Красноярского отделения ВТО, ранее заведующая литературной частью краевого Театра юного зрителя имени Ленинского комсомола, знакомила меня со своим театральным архивом: фотографии, газетные вырезки, статьи известных театроведов. Все это посвящено Красноярскому тюзю прошлых лет. Материал богатый. Могла бы получить интересная брошюра о театре. Могла бы, но...

Печально встречаться с прошлым хорошего театра, ощущая, что сегодня что-то главное в нем утеряно.

Беседуя с Верой, я не знала, что это же чувство придется пережить еще раз, побывав в мастерской красноярского художника А. Поздеева. Туда я пошла вне всякой связи с тюзом — просто так. И не пожалела. Это было замечательное собрание лиц — ученые, режиссеры, художники, актеры.

Поздеев между тем достал с антресолей новые холсты.

Эти холсты поразительны. Они написаны каким-то диковинным, причудливым языком. Художник пришел после спектакля, и то, что осталось, тронуло душу, зазвучало в красках. Он как будто оживил образ спектакля, выразил его в линиях, в цвете. Нашел свою музыку сценического произведения. К сожалению, таких своеобразных «рецензий» на спектакли тюза последних лет Поздеев не пишет. Вся театральная серия художника — своеобразная поэма в красках о творчестве режиссеров и актеров, которых уже нет в Красноярске.

...Тринадцать лет назад в Красноярск приехали выпускники Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, горевшие желанием создать свой молодежный театр со своим репертуаром, своим зрителем. Труппу тогда возглавили режиссеры И. Штокбант, Г. Опорков...

Журналист Ю. Смелков в статье «Начало» (возможно, когда-нибудь это будет первая глава книги об этом театре) пишет: «Уже в первые годы начала Красноярский тюз сумел добиться главного — стать созвучным времени, его нравственным и художественным исканиям. При этом связь с общим театральным процессом не игнорировалась, напротив, подчеркивалась — однако театр стремился идти своим путем».

Свой путь. Он был и в особом, оригинальном выборе репертуара: «Красноярская баллада» — инсценировка романа В. Орлова «Соленый арбуз», «Про нас» — композиция по стихам и прозе красноярских писателей. «Сильнее любви» — по рас-

сказу Б. Лавренева «Сорок первый», «Приключения барона Мюнхгаузена в России» — спектакль по пьесе, предназначенной для кукольного театра.

Свой путь был и в молодом энтузиазме: случилось, сами шили костюмы, репетировали на квартирах, играли в чужом здании (как, впрочем, и сейчас, спустя тринадцать лет) — без репетиционных и гримировочных комнат.

Первые же гастролы «ленинградских сибиряков» (так они себя называли) выдвинули Красноярск в число театральных центров стра-

Пять лет возглавляет театр А. Попов — выпускник того же ленинградского института. Пока это единственный режиссер, «продержавшийся» в тюзе пять лет.

Значительная часть труппы тюза уехала. Одни спектакли, шедшие в прошлых сезонах, перестали существовать — нет исполнителей. Другие — спасли вводы. Часть «спасенных» спектаклей мне довелось увидеть. Среди них «Тартюф» и «Ромео и Джульетта». Конечно, вводы, как белые нитки, — их трудно не разглядеть. Хуже другое — удивительно поверхностное, облегченное

вволю. А во второй части спектакля зритель продолжает хохотать, очевидно, по инерции. Интересно, как чувствует себя режиссер, услышав в кульминационный для этой трагедии момент пробуждения Джульетты рядом с отравившимся Ромео новый взрыв хохота в зале?

Я наблюдала на спектакле «Ромео и Джульетта» примерно такую же зрительскую реакцию. На этом спектакле в самый неподходящий момент в зале заплакал ребенок, а мальчик-третьеклассник (интересно, где был в это время педагог театра?) залез на авансцену

гда гремевший тюз? Трудно ответить односложно, потому что причин тому много. Можно провести скрупулезное исследование и выявить их все, но одно совершенно очевидно: «штормы» не прошли бесследно, бесконечные смены «составов» никогда еще не приводили к хорошему результату. А в этой бесконечной «текущей кадры» далеко не последнюю роль сыграло и то, что театр так и не имеет своего здания. В 1972 году газета «Красноярский рабочий» писала: «Трудно привыкать к актерам, которые меняются каждый год. Актеры и режиссеры покидают наш город по многим причинам. Основная заключается в том, что у тюза нет своего помещения, нет условий для нормальной творческой работы. Иногда приходится репетировать прямо на квартире или ночью на сцене Дома культуры. Театр имеет право показывать свои спектакли лишь четыре раза в неделю».

Тогда, пять лет назад, краевая газета выразила надежду услышать убедительный ответ о сроках разрешения этой проблемы. С подобным же вопросом я обратилась сейчас к начальнику краевого управления культуры Б. Пальчикову. Он заверил, что в скором времени здание тюза будет построено.

Что ж, будем надеяться, что свое пятидесятилетие этот коллектив отметит, наконец, в собственном помещении.

Но думать о будущем театра надо сегодня, сейчас!

Легенда о том, старом театре все еще живет. Парадокс: приходили и уходили режиссеры, нет многих актеров, на которых «ходили» специально, нет уже и игравших ими спектаклей. Но остались в городе бывшие любители — благодарные зрители. Они хранят программки спектаклей. В их архивах — рецензии из газет и журналов, публицистические очерки о театре. О прошлых спектаклях они рассказывают так, как будто только вчера побывали на премьере. Значит, бывшие «красноярцы» добились очень многого — они воспитали своего зрителя. И он предан им до сих пор.

...В театральной серии А. Поздеева есть один портрет. Такое ощущение, что портрет этот не закончен, что это эскиз, набросок — облегченность линий, контурность силуэта. Может быть, в этой недосказанности таится особый смысл? Надежда?

Должен же когда-нибудь вернуться в Красноярский тюз сгинувший «домовой»!

будни театральных коллективов

ВЕРНЕТСЯ ЛИ ДОМОВОЙ?

ны. О театре заговорили. У него появилось много почитателей.

В таком, первозданном, что ли, качестве театр просуществовал два года. Но вот уезжает большая часть труппы вслед за режиссерами, и театр на грани распада. В этот трудный период его возглавляет режиссер Ю. Мочалов. Ему удается сохранить престиж Красноярского тюза. И опять ставка делается на репертуар.

В архиве Ситниковой — статья ленинградского искусствоведа Ю. Смирнова-Несвицкого. Хочется привести ее начало: «Время от времени напоминает о себе загадочный Красноярский театр юного зрителя имени Ленинского комсомола. Проходят годы, существенно меняется состав труппы, но, странное дело, остается атмосфера творчества, словно остался в этом доме со дня основания жить театрал-домовой, этаким подстрекатель на разные творческие дела и эксперименты».

Ю. Смирнов - Несвицкий посвящает свою статью творчеству режиссеров, пришедших на смену Ю. Мочалову. Это были опять же выпускники Ленинградского института театра, музыки и кинематографии (курс Г. Товстоногова) К. Гинкас и Г. Яновская. «Новая режиссура, — пишет автор очерка, — последовательно повела корабль дальше».

Проходит два сезона, и эти «капитаны» вновь покидают свой «корабль». Может возникнуть вопрос: а не слишком ли часто попадает он в штормы? Вот и теперь очередной шторм, только иного качества. Если раньше актеры уходили из этого театра за режиссером, то сейчас они уходят от режиссера.

отношение к классической драматургии.

Шекспир на сцене тюза. Стоит ли напоминать об ответственности театра, осмеявшегося его играть. Конечно, это заманчиво. Но важнее вовремя задать себе вопрос: а хватит ли зрелости, режиссерской, актерской, на этот материал? Вспоминается чья-то очень точная мысль: «Чтобы поставить «Гамлета», в театре должен быть Гамлет». Мне кажется, эта мысль применима не только к пьесе о принце датском. Чтобы играть Ромео и Джульетту, актерам мало быть просто обаятельными, славными и юными.

В отдел культуры краевой газеты «Красноярский рабочий» приходит много писем-откликов на спектакли Театра юного зрителя, самых разнообразных — от восторженных до остро критических. Авторы в основном интересуются спектакли по Мольеру и Шекспиру. Приведу выдержку из письма К. Малыцовой из Красноярска: «Самым неожиданным для меня было то, что, оказывается, «Ромео и Джульетта» на тюзовской сцене — это не трагедия, а веселая комедия, идущая под непрерывный хохот зрительского зала! И посмеяться есть над чем: чего стоит, к примеру, гротескно-комический персонаж — кормилица Джульетты, каждый неуклюжий шаг которой, каждое слово вызывают веселую реакцию в зале. Особенно дружно и долго хохочут зрители в двух сценах. Одна из них, когда Джульетта ищет Ромео, но встречает его друзей, которые сначала хватают ее за талию и хлопают пониже спины, а потом берут ее за ноги и держат вниз головой до тех пор, пока зрители не нахохочутся

и чуть ли не принимал участие в трагедии.

Трудно было говорить с режиссером после спектакля: он обвинял зрителей, говорил об их неподготовленности, непонимании высокого текста. А мне почему-то упрямо вспоминалась фраза, услышанная в финале спектакля. Один юный зритель сказал своему другу: «Правда, хороший пацан был Ромео?»... И подумалось: нужно очень любить, а главное, понимать детей, чтобы ставить для них спектакли.

Если провести «следствие» по поводу смеха на спектакле «Ромео и Джульетта» в Красноярском тюзе, истина, я уверена, отыщется не в зрительском зале...

Такие досадные моменты огорчили и на другом спектакле — «Тартюфе» Мольера. Хотя были «оправдательные» аргументы — в этом спектакле шесть вводов. Но ведь зрителю нет до этого никакого дела. Он пришел смотреть классическую комедию. Возможно, это его первая встреча с Мольером. На спектакле я порой забывала, что нахожусь в театре для детей и юношества. А вернее будет сказать так: об этом явно забыл режиссер. От спектакля веяло опереточностью в самом плохом смысле этого слова. А Попов интерпретировал Мольера «смело» и «вольно». Особенно показателен в этом смысле был финал: Тартюф появлялся перед нами в современном костюме, с чемоданчиком типа «дипломат» в руке... Главный режиссер Красноярского тюза явно не доверяет своим зрителям, не верит в них.

Здесь напрашивается ответ на вопрос: почему же дошел «до жизни такой» неко-

Т. СКОЧИЛОВА,
наш спец. корр.

КРАСНОЯРСК.